

вей и монастырей в исследуемый период опережало строительство деревень и городов. Средневековое христианское общество делает акцент на различии между верующими, призванными выполнять священную службу посредством специального обряда посвящения и заведовать таинством причастия церкви, и теми, кто обязан подчиняться церковной власти. Духовенство представляло собой также определенную иерархическую структуру во главе с Папой – наместником Христа на Земле. За ним следовали кардиналы римской курии, епископы, аббаты и аббатиссы, священники, монахи и монахини. Интересна приведенная создателем сборника теория двух мечей, якобы данных Господом верующим для защиты христианского населения Земли. Она используется в "Саксонском Зерцале" для выражения идеи равноправия и разделения "властей" папы и императора в противовес притязаниям папства господствовать над светскими властями:

"Два меча предоставил бог земному царству для защиты христианства. Папе предназначен духовный, императору – светский. Папе предназначено ездить верхом в положенное время на белом коне, и император должен держать ему стремя, чтобы седло не сползло. Это значит: кто противится папе и не может быть принужден церковным судом, того император обязан принудить при помощи светского суда, чтобы был послушен папе. Точно так же и духовная власть должна помогать светскому суду, если он в этом нуждается".⁹

Начиная с XII века некоторые великосветские господа, такие, например, как Герцог Саксонии Генрих Лев, стали планомерно основывать городские поселения. Особая привилегия здесь принадлежала королю, который соответствующим документом (свидетельством) мог предоставить городскому поселению право на городское самоуправление. Различные правовые обоснования "Саксонским Зерцалом" в вышеупомянутого факта впоследствии будут переняты Положением о правах города (*ius Maideburgense*).

Швейцарский историк Роберт Делорт утверждает, что история средневековой повседневной жизни – "это история жизненного пространства, мира жизни, круга жизни, жизненных отношений, жизненных форм, способа жизни и ведения жизни, а также многих других аспектов, имеющих ядром слово жизнь".¹⁰ А правовой сборник XIII века "Саксонское Зерцало" как раз и отражает адекватную своему времени живопись.

¹ См.: *Sachsenspiegel Landrecht und Lehnrecht*. S.24, 100, 101, 103, 104, 105, 106. Пер. с нем. везде – О.К. Stuttgart (1953) 1993.

² Саксонское Зерцало. Памятник, комментарии, исследования. / Под ред. В.М.Корецкого. М., 1985. С.12.

³ Там же. С.100.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С.103.

⁶ См.: *Sachsenspiegel*. S.173.

⁷ *Ibid.* S.174–175.

⁸ *Ibid.* S.189.

⁹ Саксонское Зерцало. С.16.

¹⁰ Mamoun Fansa. // *Der Sassenpiegel. Sachsenspiegel – Recht – Alltag: Beiträge und Katalog zur Ausstellung. Aus dem Leben gegriffen – Ein Rechtsbuch spiegelt seine Zeit*. Oldenburg, 1995. Bd.2. S.24. / Пер. с нем. наш – О.К.

А.Ф.КЛИМЕНТЬЕВА

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

Термин "восточный вопрос" в исторической литературе стал применяться в 20-х годах XIX в. для обозначения системы международных отношений, центром которой являлась Османская империя. В этой системе хронологически выделяются следующие аспекты: упадок Османской империи и надежды на возможность раздела ее территории между соседними государствами; усиление освободительного движения поработенных народов; острая борьба великих держав за преобладающее влияние на политику Порты.

Когда Османская империя еще не считалась "большим человеком", как ее называли позже, политика европейских стран по отношению к ней определялась преимущественно заботами об отражении турецкой агрессии, об использовании турок в борьбе со своими противниками и о взаимовыгодной торговле с

ними. Когда же появились первые признаки того, что громадное здание некогда могущественной империи рушится, ее соседи потянулись к добыче. Но их аппетиты помешала удовлетворить боязнь усиления соперников за счет Османской империи. Порожденное этими опасениями стремление сохранить ее целостность проявилось уже в конце XVII в.

В середине XVIII в. русские дипломаты сообщали из Константинополя, что турецкое государство находится в "сильном расслаблении" и "страшном расстройстве" и его легко можно в одну-две кампании "привести в раскаяние".¹

Империя османов погружалась в состояние глубокого экономического кризиса и политических неурядиц, вызванных разложением военно-пенной системы — основы хозяйственной, социальной и политической жизни страны. Дальнейшая судьба империи во многом зависела от ее военного могущества. В свое время турки развили военное дело до высокого уровня, создали многочисленное постоянное войско, одержали ряд крупных побед и захватили огромные территории.

Но Османская империя слишком много ставила на карту войны, сделав ее основой государственного благополучия. Руководители турецкого государства полагали, что выгоднее не производить материальные блага, а отвоевывать их у других народов. Русский канцлер М.И.Воронцов писал о Турции в июле 1762 г.: "внутренняя система правительства есть воинская... По такому военному внутреннему строению сей державы целостность и сохранение ее единственно зависит от воинских трудов и подвигов, которыми политическое тело ее крепит и питает свои нервы; от долговременного ж покоя приходит она не только в изнеможение, но и подвергается конечному разрушению".²

Многочисленные народы в составе империи находились на различном уровне экономического, социального и культурного развития. Сами турки в социально-экономическом развитии отставали от некоторых покоренных ими народов.

Османские власти особенно дорожили своими балканскими провинциями, где проходили важные торговые пути, бывшие ценными объектами грабежа. Балканские владения прикрывали подступы к Константинополю и проливам, соединяющим Черное море со Средиземным (Босфор и Дарданеллы) на наиболее угрожаемом направлении — со стороны Австрии и России. Но по мере того, как опасения турок за их владения на Балканском полуострове возрастали, их силы и возможности иссякали.

В этот период восточный вопрос, и прежде всего вопрос о судьбе балканских народов, занимал важное место в системе международных отношений ведущих европейских стран. Так, Россия стремилась мирными средствами получить выход к Черному и Средиземному морям, укрепить свой авторитет и влияние среди балканских народов. Но турецкое правительство оказывало решительное сопротивление осуществлению русских планов. Поэтому на данном этапе цели России сводились к накоплению информации, изучению экономического и военно-политического потенциала Турции и позиций других великих держав в этом регионе.

Русское правительство в этой обстановке предпринимало энергичные меры по ускорению социально-экономического развития юга России. С целью упрочнения экономики этого района, а также создания надежного пограничного пояса проводилось заселение смежных с Османской империей земель. Россия готовилась к тому, чтобы в более благоприятной международной обстановке с заранее подготовленных позиций подойти к радикальному решению "южной проблемы".³

В 1754—1755 гг., в частности, обострились отношения между Россией и Турцией из-за строительства крепости Св.Елизаветы в верховьях р.Ингул, предназначавшейся для охраны югославянских поселений. В это время началось массовое переселение югославян в Россию, вызванное экономическим, национальным и религиозным угнетением этих народов турками и австрийскими Габсбургами. Австрия к середине XVIII в. в значительной мере утратила симпатии коренных жителей европейской Турции, так как сама вынашивала захватнические планы на Балканах, притесняла и угнетала славян, оказавшихся под ее властью.

Русское правительство регулировало процесс переселения. Указная грамота от 11 января 1752 г. предусматривала образование двух югославянских поселений — "Новой Сербии" и "Славяно-Сербии" и определяла основы военной

организации югославянских поселенцев. Таким способом Россия стремилась укрепить свои границы с Османской империей и Польшей.

Но Россия была вынуждена отказаться от строительства здесь крепости из-за решительного противодействия турецкого правительства и нажима со стороны Франции и Пруссии, которые в эти годы поддерживали Османскую империю и стремились предотвратить ее военный конфликт с Россией.

Международные отношения начала 50-х годов XVIII в. в Европе характеризовались усилением дипломатической борьбы между великими державами. До 1755 г. существовали две коалиции государств: с одной стороны – Англия, Австрия и Россия, с другой – Франция и Пруссия. В январе 1756 г. обстановка кардинально изменилась. Англия, исходя из своих интересов в Европе и колониях, решила пойти на сближение с Пруссией и подписала с ней Вестминстерскую конвенцию. Этот дипломатический акт привел к изменению соотношения сил в Европе, вызвав сближение Австрии и Франции. В мае 1756 г. они подписали Версальский договор, а вскоре к австро-французскому блоку присоединилась и Россия. Эта "дипломатическая революция" была предвестницей нового европейского конфликта – семилетней войны 1756–1763 гг.

В начале 60-х годов XVIII в. русско-турецкие отношения снова ухудшились. Объяснялось это несколькими причинами. Во-первых, Петербург считал, что настало время отменить запрет на плавание русских судов в Черном море, наложенный еще Прутским договором 1711 г. По этому договору Петр I обязался уничтожить порт Таганрог, срыть крепость Азов, не заводить здесь флота, не держать постоянного посла в Константинополе и отказаться от вмешательства в дела Польши, Кабарды и запорожцев. Во-вторых, русско-турецкие отношения обострились в связи с активизацией национально-освободительного движения подвластных султану славянских народов, которые ожидали от России действительной помощи.⁴

Политика австрийских Габсбургов в восточном вопросе определялась их стремлением закрепиться на Балканском полуострове. Это придавало весьма сложный характер австро-российским отношениям. С одной стороны, австрийские политики рассматривали Россию как союзника на определенном этапе борьбы против Турции. Так, в 30-х гг. XVIII в. Австрия вместе с Россией вела войну против Османской империи. Но, с другой стороны, она всячески препятствовала усилению русского влияния на Балканах, считая их зоной своих интересов. "Политика венского кабинета никогда не претендовала на рыцарские сентиментальности", – отмечал П.А. Чихачёв.⁵

Из европейских держав враждебнее других к внешнеполитическим целям России относилась Франция, стремившаяся отстранить ее от участия в европейской политике и вернуть к допетровским временам. Что касается восточной проблемы, то тут у Франции были свои корыстные интересы. В середине XVIII в. на долю Франции как традиционного "друга" Турции приходилось более половины турецкой внешней торговли. Годовой торговый оборот Франции с Османской империей, достигавший 50–70 млн ливров, превышал торговый оборот Османской империи со всеми другими европейскими державами вместе взятыми.⁶

Французская дипломатия, несмотря на обязательства, вытекавшие из договора 1756 г., стремилась вызвать у османского правительства недоверие к России и подталкивала его к агрессивным действиям. В периоды международных осложнений в Европе Франция водила Османскую империю "на аркане, пристегивая ко всевозможным политическим комбинациям" и совершенно не заботясь об интересах турецкого государства. Однако усилиями английских, русских и австрийских дипломатов в Стамбуле часто удавалось срывать планы Парижа использовать Порту на большой европейской сцене в борьбе против своих соперников.

Политика Англии по отношению к Турции в это время характеризовалась ярко выраженной антифранцузской направленностью. Усматривая в России противовес французскому влиянию на Османскую империю, Англия нередко поддерживала действия Петербурга.

Однако английские и русские интересы по отношению к Османской империи, естественно, не совпадали. Лондон хотел заручиться поддержкой России на случай столкновения с Францией, но не желал брать обязательств по предотвращению российско-турецкого противоборства.⁸ Турецкий султан был уверен, что Англия, в отличие от России и Австрии, не станет вредить его интересам.

Английская дипломатия проводила так называемую политику "равновесия сил" и выступала в роли судьи континентальной Европы. Англия стремилась не допустить сближения между Францией и Россией, укрепить свои позиции в Восточном Средиземноморье и в перспективе, с разрешения Турции, позволить английским кораблям свободно входить в Черное море.

Не вступая в открытую конфронтацию с Россией, Англия тайно создавала дипломатические преграды укреплению русского влияния на Балканах, предпочитая сохранение status quo любому варианту решения восточного вопроса. После подписания Вестминстерской конвенции 1756 г. Пруссия активизировала свою деятельность на международной арене. Прусский король не желал допустить ослабления Османской империи, которую надеялся использовать как оружие в борьбе против России и Австрии.

В европейских столицах постепенно созревало убеждение, что Османская империя идет к закату и становится важным объектом для территориального раздела между соседними странами. Борьба между европейскими странами за влияние на Ближнем Востоке приобретала все большую остроту.

¹ Соловьев С. М. Собр.соч. М., 1963. Т.20. Кн.10. С.387,416.

² Российский государственный архив древних актов. Ф.1261, д.305, л.7–8.

³ См.: Михнева Р. Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII в. (1739–1756). М., 1985. С.129.

⁴ См.: Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII – начало XX вв.) М., 1978. С.6.

⁵ См.: Чихачёв П. А. Великие державы и восточный вопрос. М., 1970. С.60.

⁶ См.: Миллер А. Ф. Мустафа паша Байрактар. Османская империя в начале XIX в. М.; Л., 1947. С.62.

⁷ См.: Добров Л. Южное славянство, Турция и соперничество европейских правительств на Балканском полуострове. СПб., 1879. С.530.

⁸ См.: Виноградов В. Н. // Новая и новейшая история. 1996. №4. С.51.

КА.ПЕТРОВ

"БОЛЬШИЕ ПЕРИОДЫ" В РАЗВИТИИ МИРОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Значение понятия "история" как минимум двойственно. С одной стороны, можно говорить об объективной истории, которая есть общественная жизнь как объективная реальность в прошлом, объективно-исторический процесс. С другой стороны, наличествует субъективная история – это отражение объективной истории в сознании человека как субъекта исторического познания, определенная сумма или система знаний человека о прошлом социальной действительности. Объективная и субъективная истории соотносятся как историческая реальность и историческое сознание, объективно-исторический процесс и историко-познавательный процесс. Другими словами, перед нами собственно история и историография. Связь между ними нельзя уподобить зеркальному отражению. Еще Шиллер отмечал, что "ход действительного мирового развития можно было бы сравнить с непрерывным течением реки, в то время как в мировой истории отражается лишь то одна, то другая волна этой реки"¹.

Мы задались целью в общем виде рассмотреть историю исторической мысли или историю историописания. Это значит, что мы еще на один шаг отошли от объективной истории, но проблема, рассматриваемая нами, сохранила свои характеристические черты. Попытка отразить историю исторической мысли в виде непрерывного течения в идеальном виде не осуществима, поскольку, чтобы описать нечто, мы нуждаемся в некоей структуре, в статичных точках опоры, прерывающих движение. Так мы вышли на проблему периодизации.

Течения исторического потока очень разнородны, поэтому и критерии для разбиения на периоды могут быть самыми различными. В итоге мы можем получить отличающиеся друг от друга системы периодизации, каждая из которых выполняет свою частную задачу, в чем, безусловно, ее ценность, но мы перестаем видеть реку за бегом волн. Даже если мы наложим результаты анализа на единую хронологическую ось, они представляют собой несовпадающие, но частично взаимоналагающиеся или вовсе не взаимоперекрывающиеся отрезки, что исключает однозначные характеристики², а значит, мы по-прежнему не получим возможности окинуть всю историю мировой исторической мысли